

ШУМЕРСКАЯ ПОЭМА О ЛУГАЛЬБАНДЕ И ПАРАЛЛЕЛИ К ОДНОМУ ИЗ ЕЕ ЭПИЗОДОВ

Ю.Е. Березкин

Юрий Евгеньевич Березкин | <http://orcid.org/0000-0001-6001-7339> | berezkin1@gmail.com | д. и. н., заведующий отделом Америки | Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Университетская наб. 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Ключевые слова

Шумер, Лугальбанда, Ригведа, европейский фольклор, сравнительная фольклористика, волшебная сказка

Аннотация

Статья начинается с пересказа шумерских поэм о походе Энмеркара, в котором участвует Лугальбанда. Пересказ выполнен Р.М. Нуруллиным с учетом недавних уточненных переводов поэм о Лугальбанде. Отмечена параллель между шумерской поэмой и Ригведой. Далее предложена классификация зафиксированных в XIX–XX вв. повествовательных эпизодов, сходных с эпизодом встречи Лугальбанды и птицы Анзу. Прослежено распространение двух основных вариантов. Согласно первому, человек убивает змею, собирающую сожрать птенцов могучей птицы, а благодарная птица ему помогает. Этот вариант, в Старом Свете известный от Алжира до Индии и от Маньчжурии до Карпато-Балкан, имеет параллели в Америке. Во втором варианте змея не фигурирует, а человек заботится о птенцах – кормит, укрывает от непогоды и т.п. Именно этот вариант зафиксирован у шумеров. В поздних текстах он редок на юге (от Магриба до Индии), зато господствует у восточных славян, прибалтийских финнов и, видимо, балтов. Единичные сибирские фиксации локализованы от северных ханты до азиатских эскимосов. Учитывая американские аналогии, первый вариант оценивается как более ранний. Сам же мотив героя, помогающего птенцам, есть пример эпизода, распространившегося еще в палеолите, а затем использованного в волшебных сказках.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00232]

Над темой “Мотивы и сюжеты древневосточных письменных памятников в сравнительно-исторической перспективе” мы работаем третий год. Часть результатов оказалась ожидаемой. Закономерно, что в библейских текстах – более поздних, сохранившихся без лакун и плотнее насыщенных длинными нарративами, чем месопотамские и угаритские – встречается наибольшее число совпадений с мотивами позднего евразийского фольклора. Также неудивительно, что

Статья поступила 23.05.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 29.06.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Березкин Ю.Е. Шумерская поэма о Лугальбанде и параллели к одному из ее эпизодов // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 211–227. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060131> EDN: MPCXIX

Berezkin, Y.E. 2023. Shumerskaia poema o Lugal'namde i paralleli k odnomu iz ego epizodov [Sumerian Poem about Lugalbanda and Parallels for One of Its Episodes]. *Etнографическое обозрение* 6: 211–227. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060131> EDN: MPCXIX

при определенном сходстве западносемитских и месопотамских традиций между ними есть и значительные различия. Но кое-что предугадать было трудно. Новые закономерности удалось заметить благодаря сплошному обследованию публикаций по фольклору Евразии и сравнению результатов с данными древних текстов. В частности, евразийские параллели выявлены в описании путешествия царя Урука Лугальбанды в страну Аратта. Это одно из тех шумерских фольклорно-мифологических повествований, которые называют эпическими поэмами или песнями. Такие термины условны. Говорить о фольклорных жанрах для столь раннего времени следует с осторожностью.

Русскоязычным читателям данный сюжет известен как минимум в переводе В.К. Афанасьевой (*Афанасьева* 1997: 192–203). Мы используем пересказ Р.М. Нуруллина, опирающийся на недавние уточненные переводы поэм о Лугальбанде (*Black et al.* 1998–2006: 1.8.2.1, 1.8.2.2; *Wilcke* 1987–1990, 2015).

Шумерское сказание о путешествии Лугальбанды

Начнем с резюме двух шумерских поэм, связанных сквозным сюжетом и носящих условные названия “Лугальбанда в горной пещере” и “Лугальбанда и птица Анзу”. Интересующий нас эпизод содержит вторая, но знать содержание первой необходимо для понимания общего контекста. Обе поэмы известны прежде всего по табличкам старовавилонского периода, большая часть которых происходит из Ниппура (ок. XVIII в. до н.э.). Кроме того, сохранились фрагменты версии эпохи третьей династии Ура (XXI в. до н.э.) – также из Ниппура – и двуязычной (шумеро-аккадской) версии (I тыс. до н.э.) из Ниневии. Предполагается, что Лугальбанда (буквально “юный царь”) – один из царей легендарной первой династии Урука, время правления которого можно с осторожностью отнести к первой половине Раннединастического периода (ок. XXVII в. до н.э.). Историчность Лугальбанды остается недоказанной. Наличие исторических реминисценций не исключает, естественно, включения в повествование мифологических эпизодов.

Относительно имени шумерской мифической птицы (Анзу, Анзуд или Имдугуд) долгое время велась дискуссия, но сейчас специалисты предпочитают чтение “Анзу” (*Zand* 2010). Для темы статьи это не очень существенно.

В начале поэмы “Лугальбанда в горной пещере” рассказывается о том, как в далекие времена царь Урука Энмеркар решает идти войной против Аратты.

Аратта неоднократно упоминается в месопотамских источниках, но вопрос, какую страну имели в виду авторы поэм, остается дискуссионным (*Mittermayer* 2009: 26–39). Ясно лишь, что речь идет о цивилизации, находящейся за горами, на восток от Плодородного Полумесяца. Теоретически это могут быть как центры на Иранском плато типа Шахдада и Джирофта в Кермане или Шахри-Сохте в Систане, так и северо-западная окраина Хараппской культуры, в пользу чего представлены весомые доводы (*Васильков, Гуров* 1995). Вместе с тем от отражающих фольклорную традицию литературных источников вряд ли надо ждать географической точности. В них образ Аратты мог совместить сообщения о нескольких странах и городах.

Войско Энмеркара следует через горы под предводительством семи братьев, рожденных богиней земли Ураш. Они вскормлены молоком дикой коровы (вероятно, имеется в виду одна из богинь шумерского пантеона) и выросли за столом у бога неба Ана. Вместе с ними в поход отправляется их восьмой – видимо, младший – брат Лугальбанда. На середине пути он тяжело заболел. Поскольку братья не могут вернуть Лугальбанду в Урук, они решают отнести его в горную пещеру и оставить ему обильные запасы еды, питья и фимиама. Если Лугальбанда выздоровеет, он сможет вернуться в Урук, а если умрет, братья заберут его тело на обратном пути.

Спустя три дня, когда пещеру озаряют лучи вечернего солнца, Лугальбанда молит бога солнца Уту об исцелении. Уту принимает молитву и дает Лугальбанде жизненные силы. То же самое происходит, когда на ночном небе появляется вечерняя Венера (астральное воплощение богини Инанны), а затем луна (Лугальбанда молится ее божеству Нанне-Суэну). Когда утреннее солнце озаряет пещеру, Лугальбанду окружают божества-защитники, а то божество, которое наслало болезнь (вероятно, какой-то демон), отступает.

Данному эпизоду соответствует мотив M7a1 нашего каталога (Березкин, Дувакин б.г.). Не связанный с основной темой статьи, этот эпизод все же заслуживает комментария, ибо находит параллель в Ригведе (Елизаренкова 1989: 126–128). В обоих случаях персонаж попадает в место, откуда не может выбраться. По мере того как мимо него или над ним проплывают небесные светила (не менее трех разных), он замечает их (и обращается к ним за помощью). Согласно Ригведе (I, 105) и более позднему комментарию к ней (Топоров 2006: 480–483), мудрец (риши) Трита был оставлен братьями. Он вглядывается в небо (сначала ночное, затем предрассветное, утреннее), по которому плывут месяц, отражающийся в глубине вод, и звезды. Трита вызывает к Небу и Земле, чтобы они узнали о его положении, просит о спасении за ранее принесенные жертвы богам, умоляет Агни и Варуну о заступничестве и, наконец, получает спасение от Брихаспати. Прямо об обращении Триты к отдельным светилам не говорится и лишь в конце каждой строфы повторяется “О Небо и Земля, узнайте обо мне (в таком положении)”. Однако в отдельных строфах упоминаются сперва Месяц, затем “те семь лучей” (Плеяды?), “те пятеро быков, которые стояли посреди великого неба” (Телец?), “те прекраснокрылые посреди подъема на небо, они прогоняют с дороги волка” (еще одно созвездие?) и, наконец, “путь Адитьев, созданный на небе” (видимо, Млечный Путь).

Эта ранее не замеченная параллель для Евразии уникальна. Аналогии есть только в Меланезии у добуанцев и ведау (Fortune 1932: 216–220; Ker 1910: 7–13), а также в Южной Америке к востоку от Анд у трио (Koelewijn, Rivière 1987: 49–52; Magaña 1987: 135–136), барасана (Hugh-Jones 1979: 287–293), шипибо (Gebhaert-Sayer 1987: 51, 371–372; Roe 1991: 23–25) и, вероятно, макуши, хотя у последних отожествление проплывающих мимо героя персонажей с созвездиями ненадежно (Soares Diniz 1971: 87–88). Есть несколько мотивов, частично совпадающих с M7a1, но и они имеют циркумтихоокеанское, а не континентально-евразийское распространение и входят в огромную совокупность эпизодов и образов, связывающих тихоокеанскую окраину Азии с Новым Светом. Индоарии и шумеры отношения к заселению Америки не имели, однако и случайное совпадение не кажется вероятным. Скорее данный эпизод мог быть когда-то известен по крайней мере на юге континентальной Евразии, но сохранился лишь в древнейших доступных нам текстах – индийском и месопотамском.

Вернемся к шумерским поэмам. Совершив молитву восходящему солнцу, Лугальбанда выходит из пещеры и приносит жертвы богам. Конец повествования оборван и не во всем ясен, поэтому перейдем ко второй поэме – “Лугальбанда и птица Анзу”. Она начинается с того, как исцелившийся Лугальбанда решает найти могучую птицу Анзу, имеющую облик орла с головой льва. Именно с помощью Анзу он надеется догнать войско Урука. В гнезде, расположенном на огромном дереве, Лугальбанда обнаруживает только птенца. Он кормит и украшает его, а затем прячется, дожидаясь возвращения взрослых птиц. Когда самец Анзу, неся в когтях диких быков, подлетает к гнезду, он окликает птенца и, не слыша его ответа, кричит от страха. Но затем Анзу видит, что гнездо богато украшено, а птенец накормлен и ухожен. Обращаясь к тому, кто все это сделал, Анзу воспевает свое могущество.

Я – князь, повелевающий бурными реками. Я – шоры на глазах праведника, следующего воле бога Эндлия. Мой отец Эндиль привел меня сюда. Как огромной дверью, он преградил мною путь через горы. Если я определю судьбу, никто не сможет изменить ее. Если скажу слово, никто не смеет перечить. Тот, кто так украсил мое гнездо, – если ты бог, я хочу говорить с тобой, хочу сделать тебя своим другом; если ты человек, я назначу тебе судьбу. Ты станешь тем, кого Анзу наделил силой.

Лугальбанда выходит из укрытия, в свою очередь хвалит Анзу и просит назначить себе судьбу. Анзу делает Лугальбанде несколько предложений (неспешно вернуться в Урук; стать великим лучником; иметь могучую броню; получить маслособойку Думузи, в которой не иссякают масло и сливки), но Лугальбанда каждый раз отказывается. Хотя Анзу раздосадован, он соглашается назначить Лугальбанде ту судьбу, которую он сам себе пожелает. И тогда Лугальбанда просит Анзу наделить его способностью перемещаться с огромной скоростью, достигая любого места. После этого он отправляется догонять войско Урука, которое Анзу высматривает для него с высоты своего полета. Когда Лугальбанда внезапно появляется среди войска, друзья и братья пытаются узнать, чем он питался во время пути и как сумел перебраться через горы и реки. Однако Лугальбанда соблюдает данное Анзу обещание не рассказывать об их встрече. После года безуспешной осады Аратты Лугальбанда просит назначить его единоличным посланником к богине Инанне. Когда он предстает перед Инанной в ее храме, богиня рассказывает, что именно следует сделать, дабы урукскому войску сопутствовала удача и Аратта была взята. На этом рассказ кончается.

“Герой помогает птенцам” как кластер мотивов: вариант K38b

Эпизод “Герой помогает птенцам” (в нашем каталоге это мотив K38; *Березкин, Дувакин б.г.*) относится к числу известнейших в Старом Свете. С несколько иными подробностями и реже он представлен Америке. Тем поразительнее, что фольклористы его не заметили. В “Энциклопедии сказки” (*Schenda R. et al. 1975–2015*) в словарных статьях “Adler”, “Rabe” или “Rabe und seine Jungen” мы ничего интересного для себя не найдем. “Greif” и “Simorgh” отсылают к статье “Phönix”. В ней есть фраза, из которой понятно, что авторы соответствующие тексты читали: “Птица поднимает героев из нижнего мира в благодарность за спасение своих птенцов”. Но написано это в связи с эпизодом не спасения птенцов, а полета на спине птицы. Данный мотив не упомянут в указателе ATU (*Aarne-Thompson-Uther*) (*Uther 2004*). ATU описывает сюжеты, а не мотивы, однако определения типов в нем настолько пространны, что повторяющиеся и нетривиальные мотивы обычно отмечены – пусть случайно и мимоходом. И любопытно, что как раз те публикации немецкого фольклора, в которых мотив удалось обнаружить (*Jahn 1891; Vernaleken 1889*), в библиографии к ATU отсутствуют.

Мы хотели бы заполнить эту лагуну. При этом мы не станем рассматривать семиотические и структурные аспекты месопотамских повествований и представлений. Наши интересы сосредоточены на поиске общих мотивов в древневосточных нарративах, с одной стороны, и в поздних текстах, записанных этнографами, филологами и лингвистами как в Евразии, так и за ее пределами – с другой. Если бы подобные совпадения были распределены равномерно или зависели от географического расстояния между Месопотамией и местами фиксации поздних текстов, то в подобной работе большого смысла бы не было. Однако, как мы стараемся показать, параллели распределяются неравномерно. Это значит, что они не обусловлены ни простой культурной диффузией, ни закономерностями человеческого мышления. Их распределение отражает конкретные исторические процессы. Реконструировать такие процессы в желательной полноте пока невозможно, но презентация соответствующих данных – необходимый шаг на пути к этой цели.

Рис. 1. Распространение двух главных вариантов мотива К38.

- (1) Змея либо чудовище водно-хтонической или неопределенной природы поедает или калечит детенышей могучего летающего существа – в большинстве случаев птенцов птицы. Мать бессильна перед чудовищем, но человек убивает его (мотив К38b).
- (2) Аномальный вариант илимпийских эвенков, в котором птенцам железной птицы Кингит угрожает громовая птица Агды.
- (3) Могучая птица или другое летающее существо помогает человеку за то, что тот позаботился о ее птенцах/детенышах: накормил их, укрыл, украсил и т.п. (мотив К38b3)

Эпизод встречи Лугальбанды с птицей Анзу подходит под определение нашего мотива К38 (Березкин, Дувакин б.г.). За то, что человек делает добро детенышам могучего летающего существа (обычно – птицы), их мать или отец оказывает человеку услугу. В подобной формулировке эпизод встречается только в Старом Свете – в основном в континентальной Евразии (см.: Рис. 1). В Африке есть лишь несколько арабских и берберских версий. Область встречаемости мотива резко обрывается как на западе, так и на востоке. В пределах атлантического края Европы и основной части Китая, а также далее на юго-восток от него мотив отсутствует.

Сразу же подчеркнем, что мотив К38 используется исключительно в приключенческих повествованиях. Под таковыми мы имеем в виду нарративы определенного содержания. О значении этих нарративов для носителей традиции трудно судить с уверенностью, причем сам этот аспект исследования находится, как было сказано, вне наших интересов.

На Кавказе и на Балканах мотив К38 в норме связан со сказками типа АТУ 301, а точнее с нашим мотивом К2А. Персонажа спускают в нижний мир (в пропасть, в колодец и т.п.). После того как он отправляет наверх добытые ценности (женщин), завистливые спутники обрезают веревку, однако ему удается вернуться на землю. Вместе с тем в Южной Азии и вдоль атлантического края Европы фантасматическое сцепление между мотивами К2А и К38 не встречается и эпизод встроено в другие сюжеты (см.: Рис. 2).

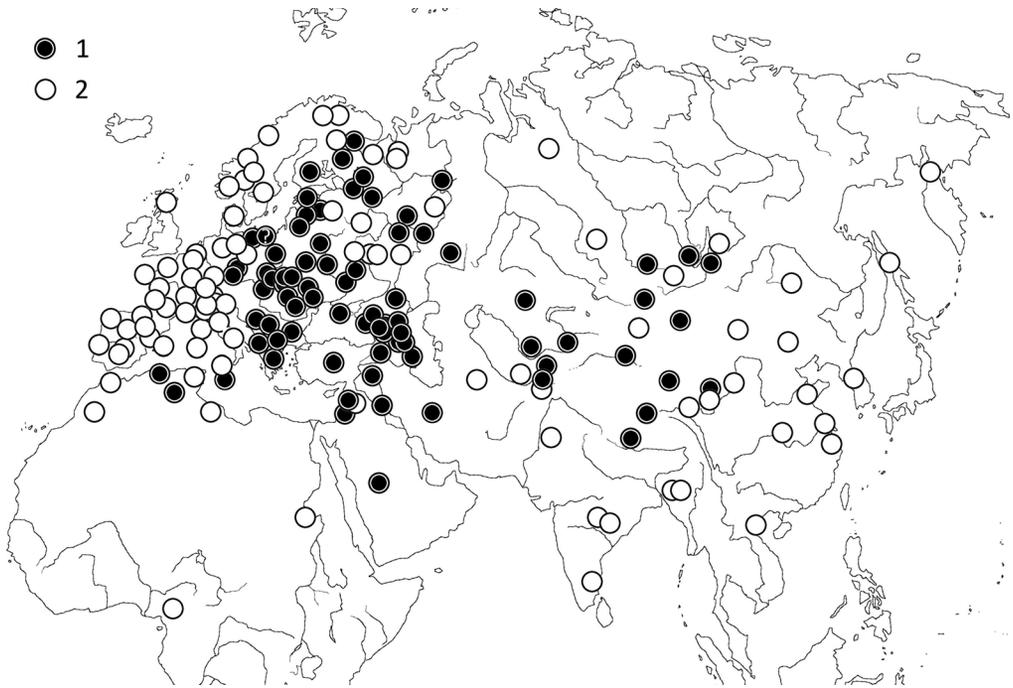

Рис. 2 (1) Традиции, в которых мотив К38 – птицы помогают человеку за то, что он помог их птенцам – сочетается с мотивом К2а – персонажа спускают в нижний мир (в пропасть, в колодец и т.п.); завистливые спутники обрезают веревку, герой остается внизу, но ему удастся вернуться на землю.
(2) Традиции, в которых мотив К2А не связан с мотивом К38

В некоторых случаях он изложен красочно и подробно. Так, в мансийском варианте Усынг-отыр обещает дочь тому, кто убьет двух птиц-людоедов Товлынг-карс, живущих на вершине лиственницы посреди горячего моря. Эква-пырьсь, надев шкурки горностая и мыши, забирается по стволу и убивает топориком Не Имеющую Сердца и Печени Железную Лягушку. Она жила под гнездом и обгрызала перья птенцам. За это птицы обещают больше не убивать людей, относят героя назад и помогают ему (*Лукина* 1990: 346–352). Но есть тексты, в которых тот же эпизод использован в череде прочих и выглядит необязательным в отношении главного содержания.

Тексты с эпизодом К38 включают мотивы, уточняющие варианты развития действия. Главных вариантов два: либо герой спасает птенцов, убивая ползущую к ним змею или чудовищную рептилию (мотив К38b), либо он заботится о птенцах – кормит, укрывает от непогоды и пр. (мотив К38b3). Ареалы встречаемости К38b и К38b3 местами перекрывают друг друга, но в целом К38b3 смещен к северу и характерен главным образом для Восточно-Центральной Европы и (много реже) Северной Сибири (см.: Рис. 1). Это заставляет предполагать, что распространение двух вариантов эпизода встречи героя с могучей птицей связано с разными историческими процессами. На это указывают и материалы Нового Света. Представленный там мотив К38b2 (о нем чуть ниже) есть вариант К38, но не К38b3.

Прежде чем перейти к мотиву К38b3, который представлен в шумерской поэме, кратко опишем альтернативный вариант К38b.

Он имеет следующее определение. Змея либо иное чудовище водно-хтонической или неопределенной природы поедает или калечит детенышей могучего летающего существа – в большинстве случаев птенцов птицы. Мать бессильна перед чудовищем, но человек убивает его (см.: Рис. 1). Этот вариант известен от Алжира и Чехии до Монголии и Южной Сибири.

Что касается Нового Света, то в индейских текстах убийство героем чудовища есть не результат его спонтанных действий, а стратагема птиц, которым чудовище угрожало. Птица намеренно приносит героя к себе, чтобы тот спас птенцов. Данный вариант описывает наш мотив K38b2. Персонаж (всегда птица, которая у индейцев Равнин воплощает грозу) приносит/приводит героя к своему гнезду, после чего тот случайно или по ее просьбе убивает пожиравшее птенцов чудовище.

Вот для примера один из вариантов, записанных на Средней Миссури у арикара (*Parks* 1996: 209–215). Когда человек спит, появляются громовые птицы – самец и самка. Молнии вылетают из их глаз, при взмахах крыльев сыплются искры. Птицы переносят человека на вершину скалы и дают ему две стрелы. Ими он должен убить змею, которая выходит из озера и пожирает громовых птенцов. У змеи есть голова на каждом конце тела, целиться надо в пятно под челюстями обеих голов. Человек убивает змею, громовые птицы велют разрезать труп на куски, другие собравшиеся птицы пируют. Летом перед грозой эту историю не рассказывали. Поедание водного змея птицами – известная тема индейских мифов, но сейчас мы ее не касаемся.

Аналогичную схему имеют не только все варианты у индейцев Равнин (ассинибойн, кроу, хидатса и арикара), но и миф коги на севере Колумбии (*Reichel-Dolmatoff* 1985: 76–79). Лишь у мауэ Восточной Амазонии герой встречается с птицей случайно (*Uggé* 1991: 147–156).

Систематическое отличие американских версий от евразийских исключает заимствование эпизода от европейцев, тем более что в испанском, португальском, французском и английском фольклоре мотив K38 отсутствует. Характерный для Нового Света мотив K38b2 дважды зафиксирован в Евразии (*Марченко* 1993: 150–152; *Woycicki* 1920: 71–74). Надо признать, что данные тексты (казахский и польский) в подробностях на американские не похожи и случайное совпадение общей структуры возможно. Но что мотив K38b был принесен в Новый Свет из Азии – в этом мало сомнений. Он есть у индейцев, однако распространен вовсе не по всему миру – его нет в Африке южнее Сахары, на юге Китая, в Индокитае, равно как и в Океании. Учитывая, что Америка была заселена со стороны Азии, в предположении о параллельном возникновении сходной фабулы нет нужды. В Евразии и Америке зафиксированы десятки и даже сотни одинаковых эпизодов и образов, которые в Африке южнее Сахары отсутствуют, так что перенос мотива K38 в Новый Свет не удивителен.

“Герой помогает птенцам”: вариант K38b3

Обратимся теперь к мотиву “Герой заботится о птенцах”. Поскольку в шумерской поэме представлен именно этот вариант, хотелось бы дать ссылки на все источники, в которых мотив K38b3 обнаружен.

Чаще всего он встречается в восточнославянском и прибалтийско-финском фольклоре. Среди русских текстов замечены следующие.

Терский берег. Оказавшись на вершине горы, с которой невозможно спуститься, человек зипуном прикрыл от грозы трех птенцов птицы. Птенцы просят мать не убивать человека, и та согласилась спустить его на землю. В другом варианте “погода пала страшна, на дубе птенцы Ногуй-тётушки”. “Голь кабацкой” хотел съесть одного птенца, но тот говорит, что сыт не будешь, а мать тебя найдет. Тогда

“голь кабацкой снял оболочину” и прикрыл птенцов. Птица-мать дала перо, делающее невидимым (Балашов 1970: 94–97, 1991: 26–32).

Карельское Поморье. Царевич и кухаркин сын бросили Ивана-коровича в пропасть. В гнезде пищат орлята, он их накормил и согрел. За это орлица ему помогает (Разумова, Сенькина 1987: 104–108).

Прионежье (былина “Ванька Удовкин сын”). Ванька приходит к дубу на берегу моря, укрывает от холода птенцов птицы Могуоль. Птица-мать дает три пера. С их помощью удается заклясть Волшана Волшанского, и тот не может найти Ваньку (Путилов 1957: 316–323).

Олонецкая губ., Петрозаводский уезд. Иван Ветрович провалился в яму. “Его там вьюноши едва не заклевали”. Но когда прилетела мать, “вьюноши зарычали”, чтобы она Ивана не тронула: он их спас, под шапку собрал, согрел, а то бы замёрзли. Их мать вынесла Ивана на землю (Ончуков 2008: 370–372).

Вологодская губ. (1) Иван спустился под землю, там красавица. Она говорит, что ее “муж рядом в цепях”. Иван его освободил, но тот сразу умер. Из гнезда выпал орленок. Иван прикрыл его своей одеждой. За это орел вынес его и красавицу на белый свет (Бурцев 1895: 13–16). (2) Ивана-царевича сбросили в яму, он попал в нижний мир. На дубу у моря пищат птенцы Нагай-птицы. Иван их “прикрыл одеяньем”. Птица вынесла его на землю (Азадовский 1934: 186–199). (3) Попав в нижний мир, Медвежье Ушко убил дракона и спас царевну. У моря гнездо птицы Нагай. Началась непогода, “птенцы зарыкали в гнезде, Медвежье Ушко прикрыл их своим балахончиком”. За это птица-мать вынесла его на землю (Соколов Б.М., Соколов Ю.М. 1981, № 54: 204–209). (4) Матюша отправился в путь. Налетел дождь с градом, а на дереве гнездо птицы Магус. Матюша прикрыл птенцов своей одеждой и накормил хлебом. Прилетевшая птица помогла ему достать живую воду (Мици, Савушкина 1955: 62–66).

На большей части русской этнической территории мотив за пределами Севера не встречается. Северные же русские версии территориально и содержательно примыкают к традициям прибалтийско-финских народов.

Карелы (Южная Карелия). Иван, сын попа и медведицы, спускается в нижний мир. Там у моря гнездо орлицы, началась непогода, орлята мерзнут. Иван заткнул щели в гнезде, орлята согрелись. Орлица прилетела, хотела напасть на Ивана, но птенцы объяснили, что он их спас. Орлица выносит его обратно на землю (Конкка, Тупицына 1967: 251–262).

Вепсы. (1) Солдат спасает царских дочерей. Оказавшись в нижнем мире, избавляет там от голодной смерти ястребиных птенцов. За это ястреб выносит его на землю (Винокурова 2006: 70). (2) (рассказано по-русски) Дий-попович спущен в нижний мир, спасает царевен, но спутники не стали поднимать его самого. Он накормил и укутал птенцов коршуна. За это их мать вынесла его на землю (Власьев 1941: 15–25).

Финны. Сержант спас принцессу, но она пропала. Он собирается повеситься на дубе. Началась гроза, слышен писк. Это драконята страдают от ливня. Сержант прикрыл их шинелью. Дракон прилетел, хотел его съесть, но, узнав от детенышей, как было дело, отнес к принцессе (Конкка 1993: 111–122).

Сету. Сын женщины и медведя спустился в нижний мир, спас царевен, спутники подняли их наверх, а его оставили. На сосне орлиное гнездо. Из-под сосны черти лезут как мыши. Человек поубивал их, отрезал языки и накормил ими орлят. Когда орлица приносит им лошадь, они отказываются от такой пищи и объясняют, что получили лучшую. Благодарная орлица выносит человека на землю (Sandra 2004: 270–275).

Эстонцы (Харьюма, записано в Сухум-кале). Король севера едет искать дочь короля юга. Возле огненного моря дерево с гнездом ястребов, в нем пи-

шат птенцы. Человек зарезал коня, накормил птенцов мясом, укрыл шкурой от града. Благодарная орлица перенесла его через море (*Mälk et al.* 1967: 246–264).

Лутси (латышская *Лудза*; ныне ассимилированный эстонский анклав в Латгалии) (смешанная южноэстонско-латгальско-русская традиция). Женщина съела горошину, родила богатыря. Спутники спустили его в нижний мир, он освободил трех девиц. Спутники подняли их, а героя оставили. Орлята в гнезде на елке просят укрыть их от грозы – их мать поможет спасителю. Орлица переносит героя через огненное море (*Annom et al.* 2018: 93–100).

Тот же эпизод встречается в латышском и литовском фольклоре. В литовском указателе при описании сюжета 301 подробности опущены (*Balys* 1936), но Б.П. Кербелите их, к счастью, упоминает: в литовских волшебных сказках “герои-люди... прикрывают от дождя или града птенцов, змей или червяков” (*Кербелите* 2019: 11).

Латыши. (1) Родился волосатый сын – Медвежий Ян. Он спускается в нижний мир. Спутники стали его поднимать и бросили. Ян укрыл от грозы орлят, за это орлица вынесла его на землю (*Ниедре* 1952: 92–103). (2) Сын кобылы – силач. Он спустился в нижний мир, освободил принцесс, но сам подняться не может. После того, как он прикрыл от града птенцов, птица перенесла его через море (*Ниедре* 1952: 142–146). (3) Кузнец выковал себе сына – Железного Мартына. Тот спустился в нижний мир, отправил наверх похищенную принцессу, но его самого спутники не вытащили. Он прикрыл орлят от дождя, и орлица перенесла его через море (*Ниедре* 1952: 92–103).

Западнее Балтики эпизод не известен, и лишь в одном *шведском* тексте есть, кажется, отголосок. Девушка идет за катящимся яблоком, видит двоих детей, спящих под жарким солнцем. Она их прикрыла, и за это морская царица ей помогла (*Stroebe* 1921: 93–111).

В волго-уральском регионе мотив К38b3 известен по крайней мере марийцам и башкирам.

Марийцы. Два опубликованных текста сюжетно похожи: девушка случайно оказывается женой хтонического персонажа. В одной версии это подземный царь и хозяин ветров (*Веке* 1938: 324–334), в другой – просто черт (*Акзорин* 1995: 142–147). В первом случае парень отправляется на поиски девушки, кормит в лесу птенцов, птица несет его в хтонический мир. Во втором случае оставленный под землей человек прячет от дождя птенцов огромной птицы, и та выносит его наверх.

Башкиры. Желая извести Уртан-Султана, правитель отправляет его с поручением в нижний мир. Тот прикрыл от грозы птенцов птицы Самригуш, за это она вынесла его на землю (*Бараг* 1989: 153–159).

Белорусские варианты и особенно южнорусский географически локализованы ближе к украинским, чем к северным русским, хотя по содержанию все они сходны.

Белорусы (*Могилевская губ.*). Иван, сын медведя и женщины, спускается в нижний мир, убивает Кашея, отправляет наверх царевен, а его самого спутники оставили внизу. Он прячется от тучи под дубом, слышит крик птенцов. Забравшись на дуб, укрывает птенцов от дождя. Их мать выносит его на землю (*Романов* 1901: 340–347). Сходный эпизод есть в белорусском тексте из Брянской губ. (*Афанасьев* 1958: 247–251).

Русские (*Белгородская обл., граница с Украиной*). Вдовый сын спускается в нижний мир, освобождает и отправляет наверх трех красавиц. Его самого спутники не подняли. Во время грозы он прикрывает птенцов плащом, птица-мать выносит его на землю (*Аристов, Павлов* 1939: 73–76).

Украинцы (*юг Киевской губ.*). Покатигорошек спускается в нижний мир,

отправляет наверх красавицу, а его самого спутники поднимать не стали. Увидев гнездо орла на дубе, он во время бури прикрывает орлят своей одеждой. Благодарная орлица вынесла его на землю (*Чубинский* 1878: 231–235). Сходный вариант записан на юго-востоке Киевской губ. (Там же: 322–329).

Украинцы (Екатеринославская губ.). Трех старших сыновей змей победил, мать проглотила горошину, родила Катигорошка. Он убил змея. Завистливые братья столкнули его в яму. В нижнем мире он закрыл от ливня птенцов, птица вынесла его на землю (*Новицкий* 2007: 71–73).

Украинцы (Волынь). Покорив всю землю, царь велел проделать дыру в нижний мир и спустился туда. Он убил змея, освободил и отправил наверх трех девушек, но его самого приближенные не подняли. Царь увидел на дереве гнездо птицы-грифа, закрыл птенцов от дождя. Старый гриф вынес его на землю (*Чубинский* 1878: 207–214).

Украинцы (Покутье). Иван Коровий сын спускается в нижний мир, освобождает и отправляет наверх трех принцесс. Его самого спутники не подняли. Во время грозы он слышит, как трое змеят пищат в гнезде. Он их укрыл, они велят ему спрятаться – сейчас их отец прилетит. Благодарный змей выносит Ивана на землю (*Зінчук* 2005: 5–14).

Украинцы (русины Закарпатья). Иван сосал молоко вместе с теленком, назван Коровьим сыном. Он спускается в колодезь, отправляет наверх трех освобожденных царевен, а его самого спутники не подняли. На дереве три змееныша, он прикрывает их от огненного дождя, благодарный змей вынес его на землю (*Сказки Верховины* 1970: 5–14). Сходный текст записан среди *русинов Восточной Словакии* (*Гиряк* 1978: 215–237).

Словаки. Старуха в 90 лет рождает богатыря. Он спущен в колодезь, убивает драконов, отправляет принцесс наверх, его самого спутники обратно не подняли. Он закрыл от дождя птенцов кнофты – гигантской мифической птицы. Ранее одна капля дождя птенцов всегда убивала. Птица выносит богатыря на землю (*Dobšinský* 1970: 50–66).

Вариант терских казаков похож на другие восточнославянские, причем “птица-гриф” указывает скорее на украинские, чем на северорусские связи (*Бутова* 1889: 128–141). Иван-царевич ищет похищенных сестер, спускается в нижний мир, побеждает змеев, отправляет царевен наверх, его самого спутники оставляют внизу. Во время грозы царевич забрался в огромное гнездо на дереве, накрыл птенцов “последней полон”, согрел их. Благодарная птица-гриф выносит его на землю.

В балкано-карпатском регионе мотив K38b3 в том же контексте, что и у восточных славян, популярен только у *венгров*. Герой (сын лошади; мальчик, рожденный от проглоченного матерью боба; найденный, которого пастух 14 лет выкармливал овечьим молоком) спускается в нижний мир, убивает драконов, отправляет наверх освобожденных принцесс, брошен своими спутниками. Он находит гнездо грифа и укрывает птенцов от дождя или огненного града. Гриф выносит его на землю (*Гидау* 1953: 81–89; *Ортутау* 1974: 141–150; *Jones, Kropf* 1889: 244–249). Все остальные балкано-карпатские версии, кроме явно девиантной молдавской (*Ботезату* 1981: 200–210), основаны на мотиве K38b (герой убивает угрожающую птенцам рептилию).

Удалось найти три немецких фиксации – две в Померании и одну в Австрии или Богемии.

Немцы (Померания). (1) Выполняя трудные поручения короля, младший сын батрака отправляется за принцессой. Заметив гнездо аистов на сосне, он во время бури и града прикрывает птенцов ветками. За это взрослые аисты помогли добыть воду жизни (*Jahn* 1891: 48–61). (2) Сын крестьянина с рожденья ходит и

разговаривает. Его отправили странствовать. Он спустился в нижний мир, убил трех драконов. Карлик учит его накормить птенцов огромной птицы, взрослая птица вынесла его на землю (*Jahn* 1891: 120–128).

Немцы (Австрия либо Богемия). Солдат идет отыскать трех пропавших принцесс, спустился в нижний мир, убил трех драконов, отправил принцесс наверх. Его самого спутники поднимать не стали. Солдат накормил сидевших в гнезде орлят, их отец вынес его на землю (*Vernaleken* 1889, № 54: 316–321).

Можно было бы допустить, что эти немецкие тексты восходят к славянским, однако у западных славян, не считая наиболее удаленных от немецкоязычных областей словаков, вариант K38b3 отсутствует, есть только K38b.

Еще одним изолированным анклавом является *Мальта*. Несколько записанных здесь текстов сюжетно близки восточнославянским и прибалтийско-финским. Младший царевич спускается в нижний мир, отправляет наверх спасенных царевен, а его самого братья не поднимают. Он кормит голодных птенцов могучей орлицы, и те, либо сама орлица, объясняют, как можно убить дракона. Затем орлица выносит героя на землю (*Mifsud-Chircop* 1978: 33–41).

У кабиллов в Алжире эпизод включен в сказку о жене-предательнице. Людоедка учит дать мяса птенцам орла, чтобы взрослый орел принес героя назад из далекого места, где тот окажется (*Frobenius* 1922: 11–24). В общем контексте длинного нарратива этот эпизод выглядит необязательным.

В кавказско-малоазийском регионе эпизод K38b3 зафиксирован у турок (*Стеблева* 1986: 293–299) и *аварцев* (*Амаев* 1972: 140–147). В обоих случаях он включен в рассказ о добывании героем живой воды. Герой не кормит и не защищает птенцов от непогоды, а освобождает застрявшего в дупле птенца либо подбирает выпавших. В ответ птица помогает выполнить трудные задания.

Как в Магрибе, так и особенно на Кавказе вариант K38b намного популярнее варианта K38b3. То же касается Южной Азии. Одна версия K38b3 записана в долине Мустанг в *Непале*. Сын оклеветанной жены царя, выкормленный собакой, коровой и лошадей, убивает змею, собиравшуюся съесть тигрят, а затем промывает слипшиеся глаза птенцам Гаруды. Благодарные тигры и Гаруда ему помогают (*Kretschmar* 1985: 158–164). У *бенгальцев* двое братьев слышат разговор птиц: если братья прикоснутся к их слепым птенцам, те прозреют, а птицы за это отблагодарят. Так и произошло (*Bradley-Birt* 1920: 168–173). Мотив слепоты эти две версии явно связывает.

Три варианта записаны на севере Сибири. У *казымских ханты* двое братьев пропали, третий идет на поиски. В гнезде орла кричат птенцы, он их накормил рыбой. Птенцы велят спрятаться, пока не прилетели их родители. Орлы удивлены, что птенцы не хотят принесенного мяса; благодарят юношу. Тот просит помочь оживить убитых ведьмой братьев. Орлы заставляют ворону принести живой воды (*Лукина* 1990: 211–213). У *якутов* (точное место записи не известно) мальчик, возникший из половины разорванного ведьмой ребенка, странствует, спасает от голода муравья и от наводнения орлиных птенцов. За это орел делает его богатырем (*Эргис* 1967: 185). В варианте *азиатских эскимосов* (*Наукан*) человек ищет пропавшего сына, видит гнездо орлов, согревает и кормит птенцов. Те сперва прячут его от матери и объясняют, что человек их спас. Тогда орлица приносит его к “небесным горам”, где живет орел, похитивший его сына (*Меновицков* 1985: 97–101). Маловероятно, что данный сюжет попал на Чукотку от русских, ибо частично похожий текст записан у атапасков северо-западной Канады, для которых русское, да и вообще европейское влияние исключено. У *атапасского* нарратива другая фабула, но герой там, как и в тексте из Наукана, летит на орле и кормит его, отрезая мясо от собственных ляжек (*Petitot* 1886: 169–176). Если данный мотив попал к эскимосам и атапаскам в

доколониальную эпоху, то и эпизод с птенцами нет оснований считать недавним заимствованием.

* * *

Хотя клинописные таблички, благодаря которым древний нарратив стал известен, были созданы за несколько тысяч лет до Гуттенберга, шумерский вариант, соответствующий нашему мотиву K38b3 (герой заботится о птенцах), скорее всего, распространился позже варианта K38b (герой убивает ползущего к гнезду змея).

В пользу этого – наличие в Америке исключительно варианта K38b, точнее K38b2 (птица сама заставляет героя убить змея). Существует много мотивов, связывающих Южную Сибирь с Америкой. Ареал их распространения неизменно разорван: Центральная и Западная Евразия, с одной стороны, и Новый Свет – с другой, причем в Америке такие мотивы представлены прежде всего на Равнинах. И напротив: в Восточной Сибири и на северо-западе Северной Америки их нет. Вероятная причина состоит в постепенной смене населения к западу от Байкала и к северу от верховьев Алдана в период от конца ледникового максимума до среднего голоцена (*Березкин 2022a; Питулько 2022: 28, 181*). Параллели между Новым Светом и западом Евразии указывают не на сверхдальние миграции, а на разрыв культурного континуума, который сформировался в Северной Евразии до ледникового максимума и затем был продолжен в Америку. Те же параллели, которые связывают Восточную Сибирь с Аляской или Чукоткой, обусловлены возникновением более поздних информационных сетей. Ареал мотива K38b3 соответствует именно такой ситуации.

Отдельный вопрос – концентрация K38b3 на Русском Севере и в Восточной Прибалтике. На юге (от Эгеиды до Месопотамии) и на севере (Фенноскандия) зафиксировано немало общих мотивов: пленение громовержца и похищение его орудия, исчезновение и возвращение божества плодородия, выкованное небо и пр. (*Курпу 1990: 38, 175–176; Frog 2011: 81–87*) (наши мотивы I4c, I4d, I4d1, I35b и др.). Данная тема требует отдельного исследования.

Все случаи использования эпизодов с мотивом K38 (в любых вариантах) касаются приключенческих текстов и к мифологии в узком смысле отношения не имеют. Шумерского, сибирских и индейских текстов это тоже касается. В соответствующих нарративах есть образы, заимствованные из локальных космологий, но нет этиологии и космогонии. Хотя волшебная сказка как жанр возникла поздно, некоторые характерные для нее эпизоды явно появились еще в палеолите.

Приключенческие мотивы-эпизодов, распределение которых позволяло бы отнести их распространение к эпохе освоения ойкумены людьми современного типа, не выявлено (*Березкин 2022b: 161*). С африканской прародины были принесены лишь немногие этиологические сюжеты и мифологические образы (*Березкин 2021*). Однако к началу заселения Нового Света (примерно 15 тыс. л.н.) и тем более в эпоху формирования первых цивилизаций приключенческие повествования уже, безусловно, существовали.

Благодарности

Автор благодарит Р.М. Нуруллина и Е.Н. Дувакина, без которых подготовить этот текст было бы невозможно.

Источники и материалы

Азадовский 1934 – Азадовский М.К. Русская сказка. Избранные мастера. Т. 1. Л.: АCADEMIA, 1934.

- Акцорин* 1995 – *Акцорин В.А.* Марийский фольклор. Сказки горных мари. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1995.
- Аристов, Павлов* 1939 – *Аристов В.П., Павлов М.* Фольклор. Частушки, песни и сказки, записанные в Курской области. Курск: Курское областное книжное изд-во, 1939.
- Атаев* 1972 – *Атаев Д.М.* Аварские народные сказки. М.: Наука, 1972.
- Афанасьев* 1958 – *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Т. 1. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1958.
- Афанасьева* 1997 – *Афанасьева В.К.* От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997.
- Балашов* 1970 – *Балашов Д.М.* Сказки Терского берега Белого моря. Л.: Наука, 1970.
- Балашов* 1991 – *Балашов Д.М.* Птичка – железный нос деревянный хвост. Сказки Терского берега. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1991.
- Бараг* 1989 – *Бараг Л.Г.* (отв. ред.) Башкирское народное творчество. Т. 4, Волшебные сказки. Сказки о животных. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1989.
- Березкин, Дувакин б.г.* – *Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Электронный аналитический каталог. Последнее обновление в январе 2022 г. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>
- Ботезату* 1981 – *Ботезату Г.Г.* Молдавские народные сказки. Кишинев: Литература артистикэ, 1981.
- Бурцев* 1895 – *Бурцев А.Е.* Деревенские сказки крестьян Вологодской губернии. СПб.: Типография Ф. Вайсберга, 1905.
- Бутова* 1889 – *Бутова Е.* Станица Бороздинская Терской области Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1889. Вып. 7. Отд. 1. С. 3–156.
- Винокурова* 2006 – *Винокурова И.Ю.* Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ.
- Власьев* 1941 – *Власьев Г.Е.* Вепские сказки. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской АССР, 1941.
- Гидаш* 1953 – *Гидаш А.* Венгерские народные сказки. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953.
- Гиряк* 1978 – *Гиряк М.* Українські народні казки Східної Словаччини. Т. 6. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1978.
- Елизаренкова* 1989 – *Елизаренкова Т.Я.* Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1989.
- Зінчук* 2006 – *Зінчук М.А.* Українські народні казки. Кн. 14, Казки Бойківщини. Тернопіль: Богдан, 2006.
- Кербелите* 2019 – *Кербелите Б.П.* Люди и природа. Литовские народные сказания, притчи и рассказы. М.: Редкая птица, 2019.
- Киуру* 1990 – *Киуру Э.С.* Ингерманландская эпическая поэзия. Петрозаводск: Карелия, 1990.
- Конкка* 1993 – *Конкка У.С.* Волшебный короб. Финские народные сказки. Петрозаводск: Карелия, 1993.
- Конкка, Тупицына* 1967 – *Конкка У.С., Тупицына А.С.* Карельские народные сказки. Южная Карелия. Л.: Наука, 1967.
- Лукина* 1990 – *Лукина Н.В.* Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990.
- Марченко* 1993 – *Марченко В.Т.* Золотой караван. Сказки тюркоязычных народов Казахстана. Алматы: Өнер, 1993.
- Меновицков* 1985 – *Меновицков Г.А.* Сказки и мифы эскимосов Сибири, Аляски, Канады и Гренландии. М.: Восточная литература, 1985.

- Мици, Савушкина* 1955 – *Мици С.И., Савушкина Н.И.* Сказки и песни Вологодской области. Вологда: Областная книжная редакция, 1955.
- Ниедре* 1952 – *Ниедре Я.* Латышские народные сказки. Рига: Латгосиздат, 1952.
- Новицкий* 2007 – *Новицкий Я.* Твори у 5 томах. Т. 2. Запорижжя: Тандем-У, 2007.
- Ончуков* 2008 – *Ончуков Н.Е.* Северные сказки в собрании Н.Е. Ончукова. СПб.: Издательский дом “Мирь”, 2008.
- Ортутай* 1974 – *Ортутай Д.* Венгерские народные сказки. Будапешт: Корвина, 1974.
- Путилов* 1957 – *Путилов Б.Н.* Былины. Л.: Советский писатель, 1957.
- Разумова, Сенькина* 1987 – *Разумова А.П., Сенькина Т.И.* Поморские сказки. Петрозаводск: Карелия.
- Романов* 1901 – *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вып. 6, Сказки. Могилев: Типография Губернского Правления, 1901.
- Сказки Верховины* 1970 – *Сказки Верховины.* Закарпатские народные сказки. Ужгород: Карпаты, 1970.
- Соколов Б.М., Соколов Ю.М.* 1981 – *Соколов Б.М., Соколов Ю.М.* Сказки Белозерского края. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1981.
- Стеблева* 1986 – *Стеблева И.В.* Турецкие сказки. М.: Наука, 1986.
- Чубинский* 1878 – *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край, снаряжённой Императорским Русским Географическим Обществом. Материалы и исследования, собранные д.-чл. П.П. Чубинским. Т. 2. Петербург: типография В. Безобразова, 1978.
- Эргис* 1967 – *Эргис Г.У.* Сюжеты якутских сказок. Отд. отт. Приложений ко II тому “Якутских сказок”. Якутск: Якутсккнигоиздат, 1967.
- Annom et al.* 2018 – *Annom I., Järv R., Kaasik M., Toomeos-Orglaan K.* Vaese mehe õnn. Muinasjutte Lutsimaalt. Tartu: Eesti Kirjanduse Muuseumi Teaduskirjastus, 2018.
- Balys* 1936 – *Balys J.* Lietuvių Pasakojamosios Tautosokos Motiyvų Katalogas. Motif-Index of Lithuanian Narrative Folk-Lore. Kaunas: Lietuvių Tautosakos Archyvo Leidinys, 1936.
- Beke* 1938 – *Beke Ö.* Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1938.
- Bradley-Birt* 1920 – *Bradley-Birt F.B.* Bengal Fairy Tales. L.: John Lane, 1920.
- Dobšinský* 1970 – *Dobšinský P.* Traditional Slovak Folktales. Armonk: Sharpe, 1970.
- Fortune* 1932 – *Fortune R.F.* Sorcerers of Dobu: The Social Anthropology of the Dobu Islanders of the Western Pacific. L.: Routledge.
- Frobenius* 1922 – *Frobenius L.* Atlantis: Volksmärchen und Volksdichtungen Afrikas. Bd. 2, Volksmärchen der Kabylen. Jena: Diederichs, 1922.
- Gebhaert-Sayer* 1987 – *Gebhaert-Sayer A.* Die Spitze des Bewusstseins. Untersuchungen zu Weltbild und Kunst der Shipibo-Conibo. Hohenschlächtlarn: Klaus Renner Verlag, 1987.
- Hugh-Jones* 1979 – *Hugh-Jones S.* The Palm and the Pleiades: Initiation and Cosmology in North-West Amazonia. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Jahn* 1891 – *Jahn U.* Volksmärchen aus Pommern und Rügen. Erster Teil. Norden: Soltau, 1891.
- Jones, Kropf* 1889 – *Jones W.H., Kropf L.L.* The Folk-Tales of the Magyars. L.: Stock, 1889.
- Ker* 1910 – *Ker A.* Papuan Fairy Tales. L.: MacMillan, 1910.
- Koelewijn, Rivière* 1987 – *Koelewijn C., Rivière P.* Oral Literature of the Trio Indians of Surinam. Dordrecht: Foris Publications, 1987.
- Kretschmar* 1985 – *Kretschmar M.* Märchen und Schwänke aus Mustang (Nepal). Sankt Augustin: VGH Wissenschaft Verlag, 1985.

- Magaña* 1987 – *Magaña E.* Contribuciones al estudio de la mitología y astronomía de los Índios de las Guayanas. Amsterdam: CEDLA, 1987.
- Mälk et al.* 1967 – *Mälk V., Sarv I., Viidalepp R.* Eesti muinasjutud. Tallinn: Eesti raamat, 1967.
- Parks* 1996 – *Parks D.R.* Myths and Traditions of the Arikara Indians. Lincoln: University of Nebraska Press, 1996.
- Reichel-Dolmatoff* 1985 – *Reichel-Dolmatoff G.* Los Kogi. Una tribu de la Sierra Nevada de Santa Marta, Colombia. Vol. 2. Bogotá: Procultura, 1985.
- Petitot* 1886 – *Petitot É.* Traditions Indiennes du Canada Nord-Ouest. Paris: Maisonneuve Frères et Ch. Leclerc, 1996.
- Roe* 1991 – *Roe P.G.* Panó Huëtsa Nētē: the armadillo as scaly discoverer of the lower world in Shipibo and comparative Lowland South Amerindian perspectives // Latin American Indian Literature Journal. 1991. Vol. 7. No. 1. P. 20–72.
- Sandra* 2004 – *Sandra J.* Kahrukõrvaga Ivvan. Valimik setu ja Vastseliina muinasjutte Jaan Sandra kirjapanekutest. Tartu: Tartu Ülikool, 2004.
- Soares Diniz* 1971 – *Soares Diniz E.* O xamanismo dos Índios Makuxí // Journal de la Société des Américanistes. 1971. T. 60. P. 65–103.
- Stroebe* 1921 – *Stroebe C.* The Swedish Fairy Book. N.Y.: Stokes, 1921.
- Uggé* 1991 – *Uggé E.* Mitología Sateré-Maué. Quito: Ediciones Abya-Yala; Roma: Movimiento Laicos para América Latina, 1991.
- Vernaleken* 1889 – *Vernaleken T.* Folk-Tales from Austria and Bohemia. L.: Swan Sennenschein, 1889.
- Woycicki* 1920 – *Woycicki K.W.* Volkssagen und Märchen aus Polen. Breslau: Verlag von Priebatschs Buchhandlung, 1920.

Научная литература

- Березкин Ю.Е.* Африканское наследие в мифологии // Антропологический форум. 2021. № 48. С. 91–114.
- Березкин Ю.Е.* Культурный континуум бореальной зоны Евразии и восточно-сибирский клин (по данным сравнительной мифологии и палеогенетики) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022а. Т. 50. № 2. С. 28–40.
- Березкин Ю.Е.* После Проппа: мировое распределение популярных мотивов, отражающих конфликты внутри семьи // Этнографическое обозрение. 2022б. № 5. С. 148–165.
- Васильков Я.В., Гуров Н.В.* Страна Аратта по древним письменным источникам // Вестник Восточного института. 1995. Т. 1. № 1. С. 12–66.
- Питулько В.В.* Расселение и адаптация древнего населения Восточно-Сибирской Арктики в позднем плейстоцене – раннем голоцене. Дис. ... докт. ист. наук. МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 2022.
- Топоров В.Н.* Авест. Ōrita, Ōtaētaona, др.-инд. Trita и др. и их индоевропейские истоки // *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 2 (Кн. 2). М.: Языки славянских культур, 2006. С. 479–504.
- Black J.A. et al.* The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature. Oxford: University of Oxford, 1998–2006. <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk>
- Frog.* Circum-Baltic Mythology? The Strange Case of the Theft of the Thunder-Instrument (ATU 1148B) // Archaeology, Religion, and Folklore in the Baltic Sea Region / Ed. D. Vaitkevičėnė, V. Vaitkevičius. Klaipėda: Klaipėda University, 2011. P. 78–96.
- Mifsud-Chircop G.* Type-Index of the Maltese Folktale within the Mediterranean Tradition Area. PhD diss. Abstract. The University of Malta, Valetta, 1978.

- Mittermayer C.* Enmerkar und der Herr von Arata. Ein ungleicher Wettstreit. Fribourg: Academic Press Fribourg; Vandenhoeck & Ruprecht, 2006.
- Schenda R. et al.* (Hrsg.) Enzyklopädie des Märchens. Bd. 1–15. Berlin: De Gruyter, 1975–2015.
- Uther H.-J.* The Types of International Folktales. Pt. 1–3. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 2004.
- Wilcke C.* Lugalbanda // Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie / Hrsg. D.O. Edzard. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1987–1990. Bd. 7. S. 117–132.
- Wilcke C.* Vom klugen Lugalbanda // Erzählungen aus dem Land Sumer / Hrsg. K. Volk. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2015. S. 203–272, 421–434.
- Zand K.V.* Zu den Schreibungen des Anzud-Vogels in der Fära-Zeit // Von Göttern und Menschen: Beiträge zu Literatur und Geschichte des Alten Orients. Festschrift für Brigitte Groneberg / Hrsg. D. Shehata, F. Weiershäuser, K.V. Zand. Leiden: Brill, 2010. S. 415–442.

Research Article

Berezkin, Y.E. Sumerian Poem about Lugalbanda and Parallels for One of Its Episodes [Shumerskaia poema o Lugal'namde i paralleli k odnomu iz ego epizodov]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 6, pp. 211–227. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060131> EDN: MPCXIX ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Yuri Berezkin | <http://orcid.org/0000-0001-6001-7339> | berezkin1@gmail.com | Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences (3 University Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

Sumer, Lugalbanda, Rigveda, European folklore, comparative folklore studies, fairytale

Abstract

This article begins with the paraphrase of the Sumerian poems “Lugalbanda in the Mountain Cave” and “Lugalbanda and the Anzu Bird”. The retelling is made by Rim M. Nurullin who consulted the recent studies related to these texts. A parallel between “Lugalbanda in the Mountain Cave” and the Rigveda is specifically discussed. Further, a classification of episodes found in the narratives recorded in Eurasia and America ca. A.D. 1850–1950 that contain the same motifs as the episode of Lugalbanda’s meeting with the Anzu bird is provided. The area distribution of two main variants is revealed. According to the first one, a man kills a serpent that was going to devour the nestlings of a mighty bird, and the grateful bird helps him. This variant is attested from Algeria to India and from Manchuria to the Carpathian-Balkan region. The American parallels also exist. According to the second variant, the man cares for nestlings (feeds them, covers from a storm, etc.) while the serpent is not mentioned. In the Sumerian poem, the hero decorates the nestlings. Concerning late traditions, such an episode being rare in the south (from the Maghreb to India) is predominant among the Eastern Slavs, Baltic Finns, and probably Balts. Rare Siberian cases are scattered from the Northern Khanty to Asiatic Eskimo. Considering the American parallels, the first variant looks like the earlier one. The basic motif of a hero who helps the nestlings is an example of a narrative element that had spread at least in the Terminal Paleolithic and has survived until recent times when it was incorporated into the fairytales.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 21-18-00232]

References

- Berezkin, Y. 2021. Afrikanskoe nasledie v mifologii [African Heritage in Mythology]. *Antropologicheskii forum* 48: 91–114.
- Berezkin, Y. 2022. Posle Proppa: mirovye raspredelenie populiarnykh motivov, otrazhaiushchikh konflikty vnutri sem'i [After Propp: World Distribution of Popular Motifs that Reflect Intrafamily Conflicts]. *Ethnograficheskoe obozrenie* 5: 148–165.
- Berezkin, Y. 2022. The Cultural Continuum of the Eurasian Boreal Zone and the Eastern Siberian Wedge (Based on Comparative Mythology and Paleogenetics). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 50 (2): 29–40.
- Black, J.A., et al. 1998–2006. *The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature*. Oxford: University of Oxford. <http://etcsl.orinst.ox.ac.uk>
- Frog. 2011. Circum-Baltic Mythology? The Strange Case of the Theft of the Thunder-Instrument (ATU 1148B). In *Archaeology, Religion, and Folklore in the Baltic Sea Region*, edited by D. Vaitkevičėnė, and V. Vaitkevičius, 78–96. Klaipėda: Klaipėda University.
- Mifsud-Chircop G. 1978. Type-Index of the Maltese Folktale within the Mediterranean Tradition Area. PhD diss. Abstract, The University of Malta.
- Mittermayer, C. 2006. *Enmerkar und der Herr von Arata. Ein ungleicher Wettstreit* [Enmerkas and the Lord of Arata. The Unequal Competition]. Fribourg: Academic Press Fribourg; Vandenhoeck & Ruprecht.
- Pitulko, V.V. 2002. Rasselenie i adaptatsia drevnego naseleniia Vostochno-Sibirskoi Arktiki v pozdnem pleistotsene – rannem golotsene [Spread and Adaptation of the Early Population of the Eastern Siberian Arctic in the Late Pleistocene – Early Holocene]. PhD diss., Museum of Anthropology and Ethnography.
- Schenda, R., et al., eds. 1975–2015. *Enzyklopädie des Märchens* [The Encyclopedia of the Folktale]. Vol. 1–15. Berlin: De Gruyter.
- Toporov, V.N. 2006. Avest. *Ōrita*, *Ōtaētaona*, dr.-ind. *Trita* i dr. i ikh indoevropskie istoki [Avest. *Ōrita*, *Ōtaētaona*, Anc.-Ind. *Trita*, etc. and Their Indo-European Sources]. In *Issledovaniia po etimologii i semantike* [Studies in Etymology and Semantics], by V.N. Toporov 2 (2): 479–504. Moscow: Yazyki slavianskikh kultur.
- Uther, H.-J. 2004. *The Types of International Folktales*. Pt. 1–3. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia.
- Vassilkov, Y.V., and N.V. Gurov. 1995. Strana Aratta po drevnim pis'mennym pamiatnikam [Aratta Country according to Ancient Written Sources]. *Vestnik Vostochnogo instituta* 1 (1): 12–66.
- Wilcke, C. 2015. Vom klugen Lugalbanda [About the Smart Lugalbanda]. In *Erzählungen aus dem Land Sumer* [Stories from the Land of Sumer], edited by K. Volk, 203–272, 421–434. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Wilcke, C. 1987–1990. Lugalbanda. In *Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatischen Archäologie* [The Specialist Dictionary of Assyriology and Near Eastern Archaeology], edited by D.O. Edzard, 7: 117–132. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Zand, K.V. 2010. Zu den Schreibungen des Anzud-Vogels in der Fāra-Zeit [Concerning the Descriptions of Anzud-Bird from Tell Fara]. In *Von Göttern und Menschen: Beiträge zu Literatur und Geschichte des Alten Orients. Festschrift für Brigitte Gronenberg* [About Gods and Men: Contributions on the Literature and History of the Ancient Near East], edited by D. Shehata, F. Weiershäuser, and K.V. Zand, 415–442. Leiden: Brill.